

Анна В. Павлова

Лингвокультурология в России : "за" и "против"

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/2, 201-221

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АННА В. ПАВЛОВА
Майнцский университет (Германия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В РОССИИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Linguoculturology in Russia: pros and cons

Ключевые слова: русское языкознание, лингвокультурология, языковая картина мира, этностереотип, национальный характер / менталитет

Key words: Russian linguistics, linguistic culturology, language world picture, ethnic stereotypes, concept, national character / mentality

ABSTRACT: The paper deals with the critical analysis of the Russian linguistic culturology based on the idea that the national language is the source of data on Culture and of thin “mentality” of the people speaking this language. Here many possibilities for the scientific research of different connections between “culture” and “language” are proposed. These “links” should be regarded in the discourse with the consideration of its historical and social aspects, and not in the “language” as a system of words.

Введение

В постперестроечной России сложилась и бурно развивается новая дисциплина: лингвокультурология. В самом термине заключается указание на тесную связь между языком и культурой. Эта связь, несомненно, существует, поэтому сама по себе дисциплина под таким названием могла бы стать источником ценных сведений о том, что именно в языках специфично, а что является общим, а также как в языках преломляются те или иные представления, связанные и обусловленные национальными, региональными, корпоративными, религиозными и иными культурами. При исследовании этих преломлений знания о соответствующих культурах первичны, а языковые данные вторичны, так как язык является отражением некоторых культурных особенностей, и их обнаружение в языке невозможно без первоначального знания этих особенностей в реальном мире. Однако российская лингвокультурология понимает свои задачи иначе, так как исходит из противоположного направления означенной связи

между языком и культурой. В основу новой дисциплины легло представление о том, что национальный язык – источник сведений о культуре и о «менталитете» народа, разговаривающего на этом языке. Национальный язык воплощает в себе так называемую языковую картину мира – исторически сложившуюся в обыденном сознании языкового коллектива совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. При этом российская лингвокультурология ставит знак равенства между «языковой картиной мира» (или «ЯКМ») и «этническим менталитетом»: «[...] Имеется заманчивая возможность по особенностям языка реконструировать хотя бы некоторые особенности этнического менталитета» (Железняк 2015). Идея о том, что национальный язык позволяет достоверно судить о мировидении целого народа, восходит к гипотезе лингвистической относительности, или гипотезе Сепира-Уорфа. Аргументация приверженцев этой гипотезы кратко изложена С. Пинкером: «Апачи говорят по-другому – стало быть, они и мыслят по-другому. Откуда мы знаем, что они мыслят по-другому? Да вы послушайте, как они говорят!» (2004, 50).

Лингвокультурология позиционирует себя как новое научное направление в лингвистике, знаменующее собой смену парадигмы, поворот языковедения к человеку и его когнитивным процессам, непосредственно связанным с его национальной культурой и национальной же (или даже «этнической») ментальностью (или менталитетом). Однако как раз «человек» в подходе, практикуемом представителями этой дисциплины, из научных изысканий исчезает, заменяясь некой абстрактной усредненной (по непрозрачным критериям) «языковой личностью».

Лингвокультурология в ее нынешнем состоянии подверглась серьезной критике – см. публикации: Архипов 2011; Келли 2013; Хайров 2013; Павлова 2013; Eismann 2000; Kiklewicz 2004; 2006; 2009; 2010; Sériot 2005; Weiss 2006; Gebert 2006; Baldauf 2006; Kiklewicz/Wilczewski 2011 и др. Все основные аргументы «против» изложены в перечисленных работах весьма подробно. Задача данной статьи состоит в том, чтобы кратко обобщить эти аргументы, а также изложить некоторые соображения относительно тем и возможностей той лингвокультурологии, которая могла бы сложиться на базе изучения общности между языком и культурой, поскольку в том, что эта общность существует и должна являться объектом пристального внимания и научного изучения, нет никаких сомнений.

В этой статье не освещаются различные течения внутри лингвокультурологии: этносемантика, лингвоконцептология, лингвокультурологическое изучение фразеологии и некоторые другие. Она написана тезисно и не содержит ни истории вопроса, ни исследования причин появления лингвокультурологии. Примеры и ссылки на литературу – как

лингвокультурологическую, так и критическую – даны крайне скупо. Это не входило в задачи автора. Интересующимся стоит обратиться к сборнику: Павлова 2013, в котором позиции российских лингвокультурологов и содержание их работ изложены в деталях и критически освещены западными и российскими лингвистами.

Аргументы против современной лингвокультурологии

Российская лингвокультурология (здесь и далее – Л.) ставит знак равенства между понятиями «нация», «этнос» и «народ», между «национальным» и «этническим». Далее, она отождествляет «общенациональную культуру» с «этнической ментальностью», или «мировидением народа», а «этническую ментальность» с «языковой картиной мира» и «национальным характером», употребляя эти выражения как синонимы. На каком основании производится отождествление этих понятий, Л. не раскрывает.

К этому необходимо добавить, что наличие «национального характера» полностью опровергнуто экспериментально: Terracciano 2005; Аллик 2009; Allik 2011; McCrae 2013. В последнее время в работах лингвокультурологического толка это словосочетание исчезло – по-видимому, как слишком «ненаучное» и вульгарное, однако его перечисленные выше синонимы остались, так что суть этого направления после исчезновения одного из синонимов не изменилась. Существование «этнической ментальности», «этнического менталитета», «коллективного мировидения» и проч., как его ни назови, никем никогда не было доказано. Следовательно, лингвокультурология оперирует мифическими конструктами.

Л. отличается принципиальным внеисторизмом: культура в ней предстает как вечная и неизменная (подробнее о этом см.: Kiklewicz/Wilczewski 2011). Между тем культура постоянно меняется; особенно заметны ее изменения при смене правителей, экономических формаций или систем, социальных сдвигов или потрясений, введения технических новшеств (телефон, радио, интернет, мобильная связь). Со сменой культурных стадий (эпох) меняется обычно и дискурс: появляются новые способы выражения, трансформируются лексические значения, меняется частотность употребления, из языка исчезают старые слова; отчасти меняется и грамматика. Однако диахроническая эволюция языка лингвокультурологами игнорируется (см.: Воробьев 1997; Маслова 2001; Рылов 2003; Зализняк и др. 2005; Зализняк и др. 2012, Радбиль 2010). Внеисторический подход лишает данное направление всякой достоверности.

«Носитель языка» предстает в работах по Л. в усредненно-обобщенном виде, как некий носитель единого национального менталитета.

Представление лингвокультурологов о некоем недифференцированном носителе языка коренится в романтической идее национального языка как отражения трансцендентного и неотчуждаемого единства самого народа. В работах по лингвокультурологии постоянно читаешь про «англичан», «американцев», «немцев», «французов», «русских» и проч. (см.: Рылов 2003; Зализняк и др. 2005; Чернышева 2004; Бутенко 2006; Семухина 2008; Голованивская 2009; Карасик 2010) – так, как если бы речь шла о собрании каких-то среднестатистических, или усредненных, личностей. При этом нигде не сказано, по каким критериям население страны «усредняется» до некоего среднестатистического фантома. Что делать, например, с теми русскими, англичанами или немцами, которые по своим воззрениям и предпочтениям резко отличаются от этой «среднестатистической» картины? Но может быть, речь идет о статистике? Можно было бы, конечно, утверждать, что в случае, если 80 процентов всего населения Германии любит порядок, то слово *Ordnung* представляет собой «ключевое слово» немецкой культуры. А для 20 процентов оно не входит в «культурный код», так как порядок для них важной жизненной ценностью не является. Но таких статистик нет, и никто их не составляет. Просто пишут: высшей ценностью для немцев является порядок (Флакман 2005; Приходько 2007; Тахтарова 2007), для русских – судьба, тоска, родные просторы, красота или широта души (Воробьев 1997; Зализняк и др. 2005).

Из-за «усреднения» населения, говорящего на одном или, во всяком случае, условно одном национальном языке, до некоего фантома, именуемого «русским человеком», «англичанином», «немцем» и т.д., собственно живые люди из рассмотрения полностью исключаются. Поэтому заявляемый Л. «антропологический принцип» как поворот к человеку и его когнитивной деятельности, остается голословной декларацией. Личность не может быть среднестатистической, да еще и усредненной на совершенно произвольном и недекларируемом основании.

Вряд ли найдутся два русскоговорящих человека, которые бы абсолютно одинаково понимали смысл слова *душа* или, например, *расчетливость*. [...] Более полезным представляется количественный анализ в форме интервью, охватывающих широкий социальный спектр информантов, поскольку таким образом можно выяснить индивидуальные языковые ассоциативные связи и мотивировки, лежащие в основе того или иного лексического выбора (Келли 2013, 285–286).

Лингвокультурологи утверждают, что по данным языка делает заключения о культуре соответствующего народа (см. Маслова 2001; Зализняк и др. 2005; Алефиренко 2010). Синонимами термина «культура» в лингвокульту-

рологическом дискурсе выступают термины «национальный характер», «этническая ментальность», «этнический менталитет». Иными словами, культура в Л. ограничивается тем, что, как полагают лингвокультурологи, составляет особенности мышления («мировидения») всех представителей определенной нации. Это общее – совокупность стереотипов и ценностных установок, типичных для среднестатистического представителя данной нации. В действительности лингвокультурология делает заключения об «этнической ментальности» вовсе не на основе анализа языковых явлений, а на основе известных ей заранее этностереотипов – как авто-, так и гетеростереотипов (т.е. этностереотипов о «себе» и этностереотипов о «чужих»). Язык привлекается лишь для подтверждения этих этностереотипов, а не наоборот. Нет ни одной лингвокультурологической работы, которая бы действительно анализировала языковые явления и делала на их основании заключения о «культуре» (в означенном смысле этого слова). Их нет просто-напросто потому, что задача, которую ставит перед собой лингвокультурология, невыполнима в принципе. По языковым явлениям о культуре народа сказать попросту ничего нельзя.

Именно по этой причине (в русской лингвокультурологии) нет работ, которые были бы посвящены венгерской, норвежской, датской, португальской, индонезийской и многим другим культурам, знание о которых устанавливалось бы по соответствующим языкам. Таких работ нет, потому что относительно этих культур в русской культуре нет этностереотипов, на которые можно было бы опираться при анализе. Примечательно, что носителями английского языка являются для лингвокультурологов только англичане и американцы – как если бы не существовало на земном шаре иных стран, где население говорит по-английски. Вообще английский является государственным языком в 53 странах мира, но можно ли сказать что-либо «по языку» о культуре Ганы или Барбадоса, если этностереотипы о населении этих стран носителям русской культуры неведомы – во всяком случае, на бытовом уровне (а лингвокультурология оперирует лишь самыми расхожими бытовыми этностереотипами)? Поэтому их лучше не упоминать. А как быть с австрийским немецким? Как он соотносится с культурой австрийцев? Об этом в работах по лингвокультурологии тоже не прочитаешь. Кроме того, представители лингвокультурологии никак не реагируют на сделанное в (Павлова 2013, 191) предложение сообщить хоть какие-либо сведения о швейцарской, канадской, бельгийской и проч. культурах тех стран, в которых несколько государственных языков. Так и неясно – единая в них культура или все-таки разная и, если разная, то насколько и в каких аспектах.

У Л. нет методов. То, что ученые этого направления объявляют своими методами, таковыми не является. Л. пребывает в поиске «ключевых концептов культуры» (она же «этническая ментальность», она же «ЯКМ»). «Ключевые концепты культуры» рассматриваются как наиболее важные для данной культуры понятия. Для их поиска в языке лингвокультурология не применяет никаких критериев: ни критерия частотности, ни критерия широкой сочетаемости и включения в многочисленные фразеологизмы, ни критерия непереводаемости, ни критерия разветвленной синонимии (см.: Маслова 2001; Зализняк и др. 2005; Алефиренко 2010). В итоге единственным основанием для поиска «ключевых концептов» той или иной культуры служат только этностереотипы, каковые для научной дисциплины никак не могут выступать в качестве основы методологии:

Манера аргументации: русские слова имеют особенные значения потому, что их значение особенное, – равно как и типы выделенных автором «ключевых идей», соответствуют традиционному репертуару «автостереотипных» мотивов «мягкого» славянофильства (Келли 2013, 283).

Круг поиска, таким образом, определен заранее: для русского языка «ключевыми» являются существительные *душа*, *тоска*, *судьба* (и еще несколько: в зависимости от работ лингвокультурологов этот список варьирует), для немецкого – *Ordnung* и *Angst*, для английского – *privacy*¹. Эти слова отражают, как уже сказано, этностереотипы, и для того, чтобы их «искать» и объявлять в итоге «ключевыми концептами», не требуется быть лингвистом – они достаточно широко известны. Здесь уместно процитировать Ш. Хайрова:

Те, кто взял на себя роль лингвокультурологов, кинулись подтверждать «спрятанную» в языке национальную исключительность. Но познавательная глубина тут оказывается небольшой – никакого нового знания, глубже того, что уже известно о «русском характере», из новой интерпретации слов и грамматических категорий не извлекается (2013, 300).

Лингвокультурология объявляет тот или иной «концепт» уникальным для родной для автора культуры, сравнивая собственный язык в лучшем случае с одним-двумя иностранными. Иногда сравнение не производится вовсе: просто определенное языковое явление объявляется лингвоспецифичным. Так, например, А. В. Величко (2014) декларирует, что фразеосхемы,

¹ Незвирая на то, что приватная сфера является этической ценностью для любых культур Западной Европы, Австралии и Северной Америки, а далеко не только для жителей Великобритании и США.

которые она именуется «фразеологизированными предложениями» (поскольку ей, видимо, неизвестен термин «фразеосхема», введенный в лингвистический обиход еще Д. Н. Шмелевым, на которого она не ссылается), – это специфическое явление русского языка. При этом не привлекается для сравнения ни один язык вообще, что вызывает, мягко говоря, недоумение. Как можно декларировать какую бы то ни было лингвоспецифичность, если не проведено сравнение со всеми имеющимися на земле языками? Поскольку это является невыполнимой задачей, добросовестный лингвист должен был бы привлечь для сравнения хотя бы сотню иных языков, а далее он мог бы говорить о том, что – чисто гипотетически – такое-то слово или грамматическая конструкция специфичны только для данной культуры. Однако чтобы эту гипотезу подтвердить, требуется все-таки провести тщательное сопоставление со всеми языками, на которых говорят граждане земного шара.

В продолжение предыдущего пункта: даже если производится сопоставление с другими языками (в основном, с английским, реже немецким, еще реже французским и испанским), совершенно неясно, как именно оно выполняется. Сравнивать данные словарей достаточно бесполезно: любому переводчику известно, что тексты переводятся обычно совсем не так, как подсказывает словарь. Некоторые опытные переводчики советуют вовсе не пользоваться двуязычными словарями, так как они являются в основном не помощью, а источником ошибок. Следовательно, сопоставлять надо тексты и целые дискурсы. Но кто при этом их переводит? Сами лингвокультурологи? В этой связи возникает обоснованное сомнение, насколько они профессиональны в области перевода. Кроме того, в лингвокультурологии чаще все-таки сравниваются не тексты, а именно слова в словарях, что совершенно бессмысленно и может дать только искаженную картину.

Лингвокультурологи исходят из того, что все важное для культуры данного народа фиксируется в его языке (Маслова 2001, 37ссл.). С одной стороны, казалось бы, это действительно так: достаточно вспомнить множественные наименования верблюдов разных пород и типов в языках народов Африки и Среднего Востока. Однако речь здесь должна идти скорее не о национальных культурах, а о субкультурах: так, имеются специальные слова, которые употребляются в среде коневодов для обозначения лошадей разных мастей, возраста и размера, или специальные слова, которыми пользуются в среде программистов, или наименования разных видов ветра у поморов. У каждой субкультуры отчасти свой язык. При этом если присмотреться повнимательнее, то в национальном языке могут отсутствовать как раз очень важные для соответствующей культуры обозначения, что становится ясно лишь в сопоставлении с другими

языками. Например, в русском языке нет однословных обозначений для понятий *тоска по дому* (кроме заимствованного слова *ностальгия*, которое не обязательно обозначает именно тоску по дому – ср. нем. *Heimweh*), *чувствовать себя, как дома* (нем. *heimisch*), *побыть вдвоем с кем-либо* (нем. *Zweisamkeit*), *готовый прийти на помощь* (нем. *hilfsbereit*). Русские женщины любят ходить в обуви на высоких каблуках, но соответствующий глагол есть в немецком (*stöckeln*) и отсутствует в русском, хотя немецкие женщины как раз предпочитают обувь на низком каблуке. В русской культуре значительно более ясно представлен концепт снега, но глагол для обозначения действия *кататься на санках* отсутствует (нем. *rodeln*) и нет слов для обозначения видов снега – например, *мокрый снег*, *сухой колючий снег*, *первый снег*, *мягкий снег*, *липкий снег* – все эти понятия выражаются словосочетаниями, в то время как в немецком первый пушистый снег именуется *Pulverschnee*, хотя снег в Германии идет исключительно редко. Этот список, противоречащий тезису лингвокультурологии, можно продолжать до бесконечности, пополняя его данными из других языков.

Рассуждая о лингвоспецифичности, лингвокультурологи полностью игнорируют особенности морфологического строя языков, а также фонетический аспект (например, тех или иных слов в языке может не быть, потому что они могут вызывать нежелательные ассоциации чисто фонетически). В немецком языке модель словосложения, наиболее продуктивная из всех моделей словообразования, позволяет создавать слова, которые лингвоспецифичны уже только благодаря способу их создания. В русском соответствующих эквивалентов быть не может уже только потому, что в нем действуют иные словообразовательные модели. Такие лексические единицы немецкого языка, как *Fernweh*, *Herzenslust*, *Leisetreter*, *Weichei*, *Zaungast*, и множество иных не имеют эквивалентов в других языках в первую очередь благодаря продуктивности немецкой словообразовательной модели, а не из-за особенностей немецкого «мировидения» или немецкой «ментальности». Искать же объяснение особенностям немецкого словосложения в «немецком национальном характере» представляется занятием бесперспективным.

Впрочем, не для всех, так как и словообразовательные модели, и синтаксис некоторые лингвокультурологи все же склонны объяснять ментальностью соответствующего народа. Грамматические категории непосредственно проецируются на коллективное мировидение. Например:

Экономность как черта немецкого менталитета проявляется в языковой экономии, которая существует в любом языке, но в немецком она стала нормой. Немецкий язык фузионен, т. е. в нём широко распространено явление синкретизма, которое касается и частей речи, и грамматических категорий»;

«Немецкое предложение является воплощением порядка, где информация подается определенным образом, а многие члены предложения занимают строго отведенные им места. Одна из основных черт немецкой ментальности, порядок и стремление к гармонии, реализуется в композиционном построении предложения (Флакман 2005).

Сложный вид согласования в языке (род, число, падеж плюс разнообразные способы их выражения) продуцирует и сложный способ психологического и общественного согласования, то есть сложная структура взаимосвязей и влияний друг на друга различных частей речи в русском предложении, внедрившись на уровень бессознательного, оказывает непосредственное влияние на специфику формирования межличностных отношений, которая отличается высоким уровнем дифференцированности. Указанные особенности русского согласования, усваиваемые носителем языка, в сфере деятельности создают основу для развития особых форм групповой кооперации» (Мельникова 2006, 35);

Русские модальные конструкции со словом *надо* (*Надо съездить на склад*), по мнению одной из приверженок лингвокультурологического метода, выражают

неопределенность бытия, непредсказуемость мира, необходимость и сложность мобилизации внутренних ресурсов для осуществления действия, бездеятельность, безличность, неподвластность, непостижимость, неконтролируемость жизни человека, логику незавершенности (Глазкова 2011, 43).

Согласно российской Л., синтаксический строй языка, его лексический состав, те или иные конструкции или слова, а также фразеологизмы не только отражают «мировидение народа», но и оказывают воздействие на формирование этого мировидения. Язык «навязывает» или «подсказывает» его носителям, как им мыслить и даже чувствовать. Например, в книге (Зализняк и др. 2012, 155) читаем о том, что «русский язык подтверждает традиционное представление о широте и щедрости русской души. Более того, он подсказывает человеку готовность обнять родственной любовью весь мир». В работе, посвященной сравнению русского и итальянского языков, утверждается:

[...] Доминирующее положение глагола *fare* в глагольной сфере [...], безусловно, сказывается на мироощущении итальянцев. [...] *fare* указывает на активное отношение к внешней действительности, что отражается и на национальном характере итальянцев – активном и предприимчивом» (Рылов 2003, 118).

Если следовать этой логике, то требовалось бы сделать аналогичное заключение и о «национальном характере» русских, в языке которых слово *дело* представляет собой наиболее часто встречающийся элемент во фразеологии (см. Павлова 2013, 182). Однако свойство «деловитость» не приписывается «русскому менталитету» общепринятыми стереотипами, поэтому распространенность идиоматики вокруг концепта «дело» в Л. «не замечается».

Попытки отыскивать истоки «русской души» или «русской ментальности» во фразеологизмах чреваты несколькими опасностями: 1) фразеологизмы сложились в основном в давние времена и отражают иные культурные эпохи, поэтому их «мудрость» с «мудростью» нынешних поколений соответствующего народа не коррелирует. Чтобы делать какие бы то ни было выводы о современной культуре, требовалось бы анализировать только новую идиоматику последнего десятилетия или двух десятилетий, но этого никто не делает; 2) в корпусе русских фразеологизмов колоссальное число заимствований из других языков, причем далеко не обо всех известно их происхождение; 3) большое число фразеологизмов, зафиксированных фразеологическими словарями, большинству населения либо вовсе неизвестно, либо неупотребительно в живой речи. Представляется, что изучать имеет смысл только те фразеологизмы, которые бытуют в живой речи.

Некоторые лингвокультурологи уповают на то, что ключ к разгадке «национальной ментальности» может быть найден во «внутренней форме слова», т.е. в этимологии. Они полагают, что, раз в одном языке предмет именуется по одному своему признаку, а в другом по иному, – это не может быть случайностью, за этим должно стоять какой-то элемент «мировидения»:

Словесное обозначение редко когда отражает реальные, объективно присущие вещи признаки (которые просто могут быть не познаны на данный момент народным сознанием), но оно всегда отражает определенную точку зрения народа на эту вещь, отражает понимание народом места этой вещи в его мировоззрении и системе ценностей» (Радбиль 2010, 29).

Это утверждение голословно и не подкрепляется научными данными. В основе первичной номинации всегда лежит один, максимум два признака предмета, причем отбираются они отчасти случайно и не всегда являются наиболее существенными. Несовпадения языков по этимологии слов неизбежны – они не имеют отношения к особенностям национальной культуры, а тем более общенационального мировоззрения:

Если, к примеру, *смородина* получила свое наименование по сильному специфическому запаху, исходящему от ее листьев, то тем самым вовсе не определено сколько-нибудь существенным образом ее значение для человека, а тем более не исчерпано содержание понятия об этом растении (Михайлов 1992, 135).

Рассуждения лингвокультурологов о менталитете на базе этимологии не только не привносит «историческую перспективу» в научные рассуждения, а смешивает нынешнее и прежнее состояние языка и предлагает судить о нынешней «ментальности» народа по первичной номинации.

Лингвокультурология не различает активный и пассивный запас слов, приписывая каждому носителю русского языка одинаковые языковые способности по восприятию и словоупотреблению.

Лингвокультурологические работы подозрительно однообразны по содержанию. Обычно одни и те же примеры типа *blue – голубой/синий* или *рука – Hand/ Arm* кочуют из статьи в статью. «Культурными концептами» объявляются одни и те же слова – *счастье, родина, дом, семья, душа, просторы, авось, тоска, судьба, собираться* и еще несколько (Воробьев 1997; Зализняк и др. 2005; 2012). К ним добавляется некоторое количество фразеологизмов, из которых, как уже было упомянуто, часть вовсе не употребляется, а часть заимствована из других культур. Так, лингвокультуролог перечисляет русские фразеологизмы и – через них – пытается проанализировать отношение русских людей к прямоте, искренности, храбрости, злопамятству и т. д., не задумываясь о том, что в фольклоре любого другого народа имеются аналоги, свидетельствующие об идентичном отношении к тем же качествам (см.: Баско 2011).

В итоге обещанной «языковой картины мира» (что бы это словосочетание ни означало, но в нем есть заявка на всеобщность) не возникает, и остается совершенно неясно – то ли все не рассмотренные лингвокультурологами слова, идиомы и грамматические конструкции того или иного языка в языковую картину мира соответствующего народа не входят, то ли все-таки некоторые еще входят, но они не попали (пока?) в фокус интересов Л.

В поисках аргументации лингвокультурология нередко обращается не к научной, а к художественной или философской литературе и использует цитаты из них как авторитетные подтверждения своих тезисов, хотя неясно, какое отношение к языкознанию имели, например, Достоевский или Иван Ильин. В художественной литературе вести рассуждения или строить образы на основе этностереотипов допустимо, а в научной нет.

Лингвокультурология не гнушается оценками в адрес собственного и чужих «менталитетов», причем некоторые оценки в адрес «чужих»

напоминают прямые инвективы, в то время как «свои» выступают в несравненно более выгодном свете: «у англичан меркантильный строй души», а русский человек никогда не был своекорыстным; он непритязателен, сдержан и т.д.; для испанского мышления характерна «линейная логика» и «фрагментарность», в то время как русские способны к «синтезу и целостному восприятию» и проч. (подробнее см.: Павлова 2013). Вот что пишет К. Келли о книге (Зализняк и др. 2005):

Авторы «Ключевых слов...» исходят из общего представления о том, что «русская идентичность» состоит из совершенно стабильного, как с точки зрения синхронии, так и диахронии, комплекса представлений. К тому же они исповедуют мысль о том, что специфичность связана с духовным превосходством (Келли 2013, 287).

Подтверждения тезисам подбираются исключительно тенденциозно, то есть отыскиваются только те примеры, которые подтверждают данный тезис, и замалчиваются те, которые могли бы его опровергнуть или подвергнуть сомнению. Такой подход является предвзятым и не укладывается в рамки научной методологии. Существуют и исключения – когда лингвист в поисках лингвоспецифичности лексики или грамматики добросовестно производит анализ примеров из текстов на нескольких языках методом сплошной выборки. Но таких работ крайне мало, и вовсе не они определяют «лицо» нынешней Л.

Единственно достойными внимания в аспекте методологии работами в области лингвокультурологии этого толка являются ассоциативные эксперименты, проводимые среди представителей различных культур. Но они нередко статистически недостоверны (мало участников); кроме того, нет гарантии, что респонденты дают ответы не в зависимости от тех же (авто)стереотипов, которым они с детства научены. Например, русским детям в школе внушили, что у русских широкая душа и что для них самое ценное – родные просторы, – и они так и отвечают. При этом вполне возможно, что самое важное для отвечающего человека – это его диван и чашка крепкого кофе или его друзья. Ассоциации часто основаны на коллокациях, крылатых выражениях из фильмов или литературы, они зависят от настроения респондентов, а также от возраста, воспитания, образования и иных социальных и индивидуальных факторов и очень изменчивы: сегодня они у одного и того же человека одни, а завтра другие.

На этом закончим этот далеко не полный перечень возражений против лингвокультурологии и вопросов к этой лингвистической дисциплине и перейдем к описанию назревших тем и вопросов, которые могли бы, но не стали предметом интереса научного направления, изучающего связь языковых явлений с культурой.

Какой могла бы стать, но не стала лингвокультурология

В национальных языках и диалектах есть как универсальное, так и специфичное – и в лексике, и в грамматике, и в интонации, и в фонетике. Как универсальное, так и специфичное подлежит изучению. Культурный фон играет огромную роль в восприятии тех или иных слов (вспомним прототипическую семантику). Вероятно, под словом *балет* носители русского языка представляют себе отчасти нечто иное, чем норвежцы или голландцы под его эквивалентом *ballett*. Известно, что заказ кофе в ресторане Италии или Германии влечет за собой различные результаты: кофе в этих культурах пьют разный и по-разному. У соответствующих слов в языках разных национальных культур семный состав отчасти не совпадает в денотативной части значений. Могут различаться не только денотативные, но и коннотативные значения тех или иных слов и их эквивалентов в других языках. Например, слово *цыган* в русском языке не считается неприличным, в то время как в немецком его эквивалент *Zigeuner* нарушает правила общественной этики и уже к концу прошлого века исчезло из официального дискурса. Проблематика расхождения компонентного состава слов, считающихся в двуязычной лексикографии эквивалентными, хорошо известна переводчикам. Подобные семантические различия охватывают, однако, далеко не весь лексический состав языков, а лишь некоторые его элементы. Кроме того, они обусловлены исторически. Их можно и нужно изучать в синхроническом срезе с помощью репрезентативных ассоциативных экспериментов (опросов, интервьюирования), а также путем исследования текстов. Однако необходимо помнить, что ассоциации современных представителей данной культуры могут сильно отличаться от тех, которые связывались с теми же словарными знаками в ином историческом срезе языка. Кроме того, при анализе ассоциаций крайне важно учитывать социальный состав и культурную стратификацию опрашиваемых групп населения.

Слова обретают и теряют значения благодаря их употреблению. Поэтому изучать культуру народа нужно в первую очередь не через язык, а через тексты, дискурсы, причем в диахроническом аспекте, по эпохам, а также в социальном аспекте (по субкультурам, научным, философским, эстетическим направлениям) и в разрезе функциональных стилей и жанров (публицистика, эссеистика, научный дискурс и проч.)

Важным объектом изучения должно стать влияние дискурса на восприятие, методы внушения и формирования мировоззрения через тексты. Работы такого рода появились уже в русле политической лингвистики, но влияние текстов на умонастроения и последующие

поступки выходят далеко за рамки этого направления: суггестивными элементами пропитаны любые тексты, в том числе и бытовые диалоги, и научные статьи.

Именно в дискурсах разных эпох, направлений и жанров можно выделить «ключевые слова», которые несут важную семантическую нагрузку в рамках данного участка культуры. Критериями выделения ключевых слов могут являться как частотность для данного типа дискурса, так и эмоционально-суггестивная нагрузка, которую несет данное слово, а также его дистинктивная функция, позволяющая отделить данный дискурс от всех прочих и точно его опознать. Например, слова типа *майданутый* или *либераст*, типичные для современного политического дискурса антилиберального толка, могут и не быть наиболее частотными в данном дискурсе, но их оскорбительный потенциал столь высок, они столь точно выражают своими коннотациями взгляды их авторов и меру их агрессивности, а также они столь ясно проводят границу между данным дискурсом и всеми прочими, что эти слова допустимо считать для данного дискурса ключевыми.

Кроме того, изучение дискурсов позволяет установить, какими коннотативными значениями обладали те или иные ключевые слова и целые выражения в зависимости от эпохи и субкультуры, в рамках которой создавался дискурс. Например, немецкие романтики вкладывали в лексемы *Genie*, *Freigeist*, *wandern* совсем иное значение, чем это описано в словарях. Эти слова для дискурса романтиков были ключевыми (наряду с некоторыми другими), но они, несомненно, и сегодня еще культурно нагружены, так как с ними еще ассоциируется память о тех коннотациях и той давно ушедшей эпохе.

Изучение дискурсов в связи с культурой позволяет лучше понять исчезновение слов из языка или проблематику непереводаемости там, где в двуязычных словарях переводной эквивалент имеется. Поскольку существительные *Volk* и *Vaterland* в Третьем рейхе были ключевыми для нацистского дискурса, они в современном немецком почти не употребляются, поэтому русское прилагательное *отечественный* перевести на немецкий очень сложно. Так же трудно перевести немецкое прилагательное *bürgerlich* в различных контекстах на русский: в немецком это слово коннотативно нейтрально, а его русский эквивалент *буржуазный* благодаря усилиям большевиков из-за резко отрицательных коннотаций практически перестал быть эквивалентом. Кроме того, дискурс-анализ позволил бы достаточно точно установить, когда именно то или иное слово или словосочетание (реже – грамматическая категория) возникло, когда стало активно употребляться, когда стало переходить в стадию архаизма. Такие сведения крайне важны как для историков языка, так и для переводчиков.

Одни и те же слова в дискурсах разных субкультур даже в одну эпоху могут иметь различные значения, вплоть до противоположных. Так, существительное *либерал* в дискурсе антикремлевской оппозиции имеет положительные коннотации, а в дискурсе прокремлевской субкультуры резко отрицательные (это практически бранное слово). То же касается *толерантности*.

Лингвоспецифические коннотации слов, которыми занимается сегодня этносемантика, возникли через дискурс, через конкретные употребления и конкретные тексты. Интереснее всего исследовать корни этих коннотаций. И здесь необходимо различать слова, которые объективно являются лингвоспецифичными, т.е. либо непереводаемыми, либо переводимыми лишь условно (в основном, это реалии), и слова, которые таковыми лишь представляются. Последние образуют автостереотипы. Например, слово *авось*, вне всякого сомнения, воспринимается носителями русского языка как свое, специфичное, уникальное и непереводаемое, – несмотря на то, что существует множество способов его абсолютно точного перевода в текстах. Именно уверенность носителей языка, что *авось* слово уникальное, составляет его основную коннотацию. Немцы убеждены, что непереводаемыми и сугубо специфичными словами в их языке являются *gemütlich*, *schadenfroh*, *Heimat*, несмотря на то, что переводчикам не приходится испытывать затруднений при переводе этих лексем, в то время как с большим трудом переводятся вовсе другие слова того же языка, – впрочем, трудность или простота перевода определяются в первую очередь не словарными значениями и их эквивалентами, а текстовым окружением. Все перечисленные выше якобы непереводаемые лексемы – вехи автоимагинации, т.е. творения образа своей культуры, автостереотипы.

Таким образом, слова-автостереотипы и слова реально лингвоспецифичные необходимо четко отличать друг от друга. И это, несомненно, большое и интересное поле деятельности, практически еще не паханное. Для того, чтобы знать, что переводимо и что непереводаемо и на какие языки, необходимо тесное сотрудничество с переводчиками. Иначе все теоретические построения и утверждения о лингвоспецифичности будут либо плодом воображения, либо выводами, которые ничем не подтверждаются, кроме (зачастую довольно слабого) знания одного-двух иностранных языков самим лингвистом.

Вообще дискурс автоимагинации чрезвычайно интересен для изучения, так же как и дискурс, создающий образ «чужих». В русской культуре этот дискурс резко поменялся буквально за последние пару лет; особенно глубокие изменения произошли весной-летом 2014 года, когда власти стали упорно муссировать тему внешнего врага, а народонаселение

в большинстве своем эту инициативу с готовностью поддержало. Сменился «тон», изменился набор ключевых слов, способов представления объектов и тем. Набор «ключевых слов» может меняться в рамках субкультуры исключительно быстро – буквально в течение одного месяца, если этому способствуют внешние обстоятельства.

Плодотворным представляется и изучение нелингвистических дискурсов, в которых творится образ «своего» языка. Ему приписываются те или иные свойства, авторы-нелингвисты пускаются в рассуждения в духе нынешней лингвокультурологии, причем делают прямо противоположные заключения на основании одних и тех же языковых фактов. Такого рода дискурс дилетантов от языкознания еще никем не исследован.

Изучению подлежат в том числе этностереотипы как важные культурно-языковые «метки», причем методология изучения этих ментальных объектов уже давно предложена (см.: Quasthoff 1973; Квастхофф 2013). Анализу должны быть подвергнуты способы создания собственного имиджа и образа «чужого». Это предмет нового научного направления – имагологии (Beller/Leerssen 2007).

В художественной литературе целые образы бывают построены на базе этностереотипов, и изучение текстов под этим углом зрения представляет собой, несомненно, интересную и, в принципе, малоизученную проблематику.

Антропологический подход, декларируемый современной российской лингвокультурологией, в действительности весьма далекой от этого подхода, должен выражаться в изучении восприятия и порождения речи. Здесь возможны самые разные опросы и эксперименты, например, по восприятию ошибок в лексике или грамматике (с учетом порога чувствительности), по осмыслению текстов разными поколениями или представителями разных социальных слоев, по созданию собственных текстов и изучению активного запаса слов и многие другие. В таком, когнитивном подходе также коренятся перспективы отыскания корреляции между языком (речью) и культурой.

Это лишь небольшой перечень того, чему могло бы посвятить себя современное лингвокультурологическое направление.

Заключение

Восприятие действительности сильно варьирует в зависимости от совокупности стереотипов и схем (фреймов, когнитивных структур), которые можно связать в том числе и с национальной культурой на определенном витке ее развития. Но национальная культура далеко не

единственная и даже не самая важная причина порождения стереотипов. Другими факторами являются субкультура, возраст, образование, воспитание, место жительства, профессия, хобби, политические и моральные убеждения, вкусы, психофизиологическое состояние в момент восприятия, темперамент, индивидуальный и социальный опыт, личный интеллект, общее состояние здоровья и др.

Американский психолог Д. Гоулмен утверждает, что мы видим глазом не то, что вокруг нас находится, а то, что мы «хотим видеть» или «способны видеть» в зависимости от того, насколько сильны и насколько жестки стереотипы (он называет их *structures*) в сознании, а также на что направлено в момент восприятия внимание. Мы подходим к новым впечатлениям со своими «лекалами», отбрасываем то, что нам непонятно или неважно и выбираем то, что привычно или укладывается в схему наших представлений. Обычно взгляд фиксируется на том, что мы предполагаем увидеть, так как познание неразрывно связано с антиципацией – опережающим ожиданием (Goleman 1985). Сила интеллекта состоит в первую очередь в способности менять существующие в нашем мозгу когнитивные схемы. Чем человек старше, тем эти схемы жестче, тем труднее ему их менять, приспосабливаясь к новым условиям. Но интеллект может противостоять даже возрасту: есть старые люди, способные принимать новое, даже если оно противоречит их прежним воззрениям. Это «принимать» означает изменение прежних стереотипов сознания.

Язык (языковая система) не навязывает нам в абсолютном порядке мыслительных ходов и способности видеть, слышать и ощущать. Носители русского языка явно видят разницу между действиями *вздыхать с облегчением* (нем. *aufatmen*) и *тяжело вздыхать* (нем. *seufzen*), несмотря на то, что и тот, и другой тип «вздыхания» в русском обозначаются одним и тем же глаголом. Разумеется, если в нашем языке нет удобного слова для выражения того, что или как мы воспринимаем или о чем думаем и что хотим сказать, то при порождении речи мы затрудняемся с формулировкой, но это вовсе не означает отсутствия способности воспринимать действительность или выражать любую мысль, которую мы хотим донести до адресата. Например, в русском языке нет глагола для обозначения действия «воспринимать через органы обоняния» – кроме глагола *чують*, но запах духов или аромат цветов нельзя *чують*. Обычно используют самый общий глагол восприятия *ощущать*. Это довольно неудобно, но это не мешает нам воспринимать запахи и выражать воспринимаемое.

Если что и навязывает нам определенный угол зрения, то это те самые фреймы (когнитивные структуры) в мозгу, которые складываются по мере накопления опыта (речь идет не об этностереотипах, а о понятиях и их

ассоциативных связях с другими понятиями и знании наиболее частотных контекстов употребления соответствующих обозначений этих понятий, о синонимических рядах для возможности замещения одного обозначения другим – все это складывается в некую сеть сложных связей и отношений). Однако и эти «сети» не жестко детерминируют процессы восприятия действительности и познавательные-аналитические процессы, так как они способны меняться, если меняется опыт или происходит резкая смена внешних обстоятельств. Кроме того, их жесткость, как уже было сказано, во многом зависит от индивидуальных свойств интеллекта и характера человека. То, что фреймы складываются под воздействием жизненного опыта, воспитания в семье, производимой человеком деятельности, круга и стиля общения, прочитанных и услышанных текстов – короче, культуры в самом общем смысле этого слова (далеко не только национальной, но любой межнациональной или внутринациональной субкультуры – профессиональной, возрастной, спортивной и какой угодно еще), – не подлежит никакому сомнению.

Так же несомненно, что большое влияние на умонастроения и систему ценностей, на складывание стереотипов (в том числе и этностереотипов) оказывает дискурс. В нем находит проявление огромное количество манипулятивных и суггестивных способов оказывать воздействие на читателя или собеседника (см.: Павлова 2014, где рассматривается более 120 различных способов внушения, и это далеко не исчерпывающий список).

Направление исследования может быть только «от культуры (эпохи, эстетического или философского течения) к дискурсу этой культуры», а не в противоположном направлении, и уж никак не от «языка к культуре». Это направление ведет в тупик.

Лингвокультурология, как она сложилась за последние двадцать лет в России, породила как минимум целое поколение лингвистов, не имеющих ясного представления о том, что такое научные принципы и методы. Став обязательным предметом в программах многих университетов, она в итоге приучила студентов и аспирантов к тому, что можно писать дипломные и диссертационные работы, взяв в качестве материала небольшое число слов и «доказав» на некотором числе специально подбираемых примеров, что это – «лингвоспецифический культурный концепт». Стало возможным писать научные работы, в которых без всякого изучения истории вопроса и без единого сопоставления с другими языками некоторое языковое явление трактуется как лингвоспецифическое. Поверхностность, нарушение всех требований к научной работе, примитивизм, оценокность, тенденциозность, утверждение примата «своего» над «чужим» – вот то, что принесла с собой лингвокультурология

в ее нынешней ипостаси. Можно говорить о том, что лингвокультурология является маркером глубокого кризиса лингвистической науки (см. также: Кривоносов 2010).

Кроме того, с момента ее зарождения лингвокультурология целенаправленно пестовала национализм и лила воду на мельницу, которая двадцать лет назад лишь медленно начинала раскручиваться, а сейчас работает на полную мощь: мельницу великодержавного шовинизма, возродившего идеи «особого пути» России (при этом никто толком не способен сформулировать, в чем он состоит), приведшего к почти полной изоляции России от цивилизованного мира. Разумеется, все это не входило в цели лингвокультурологов, среди которых есть немалое число «западников» и либералов, в том числе и тех, кто активно пытался и пытается противостоять охватившей страну антизападной истерии. Однако объективно лингвокультурологическое направление вело к изоляционизму, так как утверждало приоритет одного языка по сравнению со всеми прочими. Оно подпитывало ту идеологию, которая стала теперь в России господствующей.

Ясно, что никакие статьи и книги критического толка не способны изменить эту ситуацию, так как идеология складывается помимо лингвистики и по совсем иным причинам. Однако есть надежда, что хотя бы отдельные лингвокультурологи переключатся на более осмысленное занятие, чем изучение культурных концептов в отрыве от дискурсов, в которых их только и можно отыскать. Причем знание культуры в этих поисках остается первичным, а языковые феномены вторичными.

Библиография

- Алефиренко, Н. Ф. (2010), Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва.
- Аллик, Ю. (2009), Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому. В: Культурно-историческая психология, 1, 2–18.
- Архипов, И. К. (2010), Природа концепта и методы его изучения. W: Kikiewicz, A./ Kamińska, A. (red.), Концепты культуры в языке и тексте. Olsztyn, 163–174.
- Баско Н. В. (2011), Русский национальный характер во фразеологизмах. В: Язык и межкультурная коммуникация. Материалы Второй международной практической конференции, 19–20 мая 2011 г. Великий Новгород, 135–137.
- Бутенко Е. Ю. (2006), Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тверь.
- Величко, А. В. (2014), Культурологический анализ фразеологизированных предложений русского языка. В: Красных, В. В./Изотов, А. И. (ред.), Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 50. Москва, 40–47.
- Воробьев, В. В. (1997), Лингвокультурология: теория и методы. Москва.
- Глазкова, С. Н. (2011), «Ленивый директив» в русской языковой картине мира. В: Вестник Челябинского гос. ун-та. 54, 13, 38–43.

- Голованивская, М. К. (2009), *Ментальность в зеркале языка: Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских*. Москва.
- Железняк, А. (2015), *Язык как индикатор этнического менталитета*. В: Топос. Литературно-философский журнал. См.: Доступ: 25.09.2015.
- Зализняк, Анна А. и др. (2005), *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва.
- Зализняк, Анна А. и др. (2012), *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Москва.
- Карасик, В. И. (2010), *Языковая кристаллизация смысла*. Москва.
- Квасцхофф, У. (2013), *Социальный предрассудок и коммуникация – лингвистический анализ стереотипа*. (Выдержки из книги в пер. А. В. Павловой). В: Павлова, А. В. (ред.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. Санкт-Петербург, 113–137.
- Келли, К. (2013), Рец. на кн.: Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М., 2005 [пер. с англ. М. Маликовой]. В: Павлова А. В. (ред.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. Санкт-Петербург, 278–288.
- Кривоносов, Г. П. (2010), *Спорное в когнитивной лингвистике*. Kikiewicz, A./ Kamałowa, A. (red.), *Концепты культуры в языке и тексте*. Olsztyn, 131–162.
- Маслова, В. А. (2001), *Лингвокультурология*. Москва.
- Мельникова, А. А. (2006), *Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности*. В: *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 7, 33–43.
- Михайлов, В. А. (1992), *Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности*. Санкт-Петербург.
- Павлова, А. В. (ред.) (2013), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. Санкт-Петербург.
- Павлова, А. В. (2014), *Вербальные и невербальные способы манипулирования в дискурсе и возможности их классификаций по различным основаниям*. В: *Acta Linguistica*. 8/1, 16–45.
- Пинкер, С. (2004), *Язык как инстинкт*. Москва.
- Приходько, А. Н. (2007), *Концепт Ordnung как мерная единица немецкого этнического менталитета*. В: Карасик, В. И. (ред.), *Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева*. Краснодар.
- Радбиль, Т. Б. (2010), *Основы изучения языкового менталитета*. Москва.
- Рылов, Ю. А. (2003), *Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки*. Воронеж.
- Семухина, Е. А. (2008), *Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук*. Саратов.
- Тахтарова, С. С. (2007), *Концепт «ORDNUNG» как культурная доминанта*. В: *Национально-культурное пространство и проблемы коммуникации*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 59–63.
- Флакман, А. А. (2005), *Немецкий язык как отражение ментальности его носителей. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук*. Нижний Новгород. Источник с интернете: . Доступ: 25.09.2015.
- Хайров, Ш. (2013), *Книга Надежды Жаринцевой “The Russians and their Language“ (1916) и современные культурологические интерпретации русского языка*. В: Павлова А. В. (ред.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. Санкт-Петербург, 289–315.
- Чернышева, А. Ю. (2004), *Грамматические показатели русской ментальности*. В: *Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект*. Казань, 279–282.

- Allik, J. (2011), Personality profiles and the «Russian soul»: Literary and scholarly views evaluated. In: *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 42/3, 372–389.
- Baldauf, E. (2006), Zu einigen Aspekten des russischen Heimatbegriffs *rodina* bei A. Wierzbicka und bei russischen kulturgeschichtlichen bzw. lexikografischen Untersuchungen. In: *Anzeiger für slavische Philologie*. Graz, 34, 23–40.
- Beller, M./Leerssen, J. (eds.) (2007), *Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters*. Amsterdam / New York.
- Eismann, W. (2000), Kultur und Sprache in Russland. In: *Kultur-Wissenschaft-Russland: Beiträge zum Verhältnis von Kultur und Wissenschaft aus slawischer Sicht*. Frankfurt-am-Main, 61–84.
- Gebert, L. (2006), *Imagine linguistica del mondo e carattere nazionale nella lingua: A proposito di alcune recenti pubblicazioni*. In: *Studi slavistici*. 3, 217–243.
- Goleman, D. (1985), *Vital Lies, Simple Truths: The Psychology of Self Deception*. London.
- Kiklewicz, A. (2004), *Nominacja czy reprezentacja? (O niektórych dyskusyjnych zagadnieniach współczesnej semantyki kognitywnej)*. W: Aleksenko M./Kuczyńska M. (red.). *Słowo. Tekst. Czas*. VII. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie. Szczecin, 389–396.
- Kiklewicz, A. (2006), *Языковая картина мира vs. текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники)*. W: Пипер П./Стернин И. А. (red.), *Коммуникативное поведение*. 22. *Коммуникативное поведение славянских народов*. Русские, сербы, украинцы, поляки, словаки. Воронеж, 146–165.
- Kiklewicz, A. (2009), *Языkowy obraz świata: geneza i podstawy teorii*. W: A. Kiklewicz, Ważnik S. (red.); Паланістыка, Полоністыка, Polonistyka 2008. Mińsk, 9–58.
- Kiklewicz, A. (2010), *Концепт! Концепт... Концепт... К критике современной лингвистической концептологии*. W: Kiklewicz, A./Kamałowa, A. (red.), *Концепты культуры в языке и тексте*. Olsztyn, 175–219.
- Kiklewicz, A./Wilczewski, M. (2011), *Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego Aspects of Cognitive Ethnolinguistics)*. W: *Biuletyn PTJ*. LXVII, 139–164.
- McCrae, R. (2013), *The inaccuracy of national character stereotypes*. In: *Journal of Research in Personality*. 47/6, 831–842.
- Sériot, P. (2005), *Oxymore ou malentendu?: Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka*. In: *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 57, 23–43.
- Terracciano, A. et al. (2005), *National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures*. In: *Science*. 310, 96–105.
- Quasthoff, U. (1973), *Soziales Vorurteil und Kommunikation – eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*. Frankfurt-am-Main.
- Weiss, D. (2006), *Zur linguistischen Analyse polnischer und deutscher «key words» bei A. Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich?* In: *Berührungslinien: Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs*. Hildesheim u. a., 233–257.